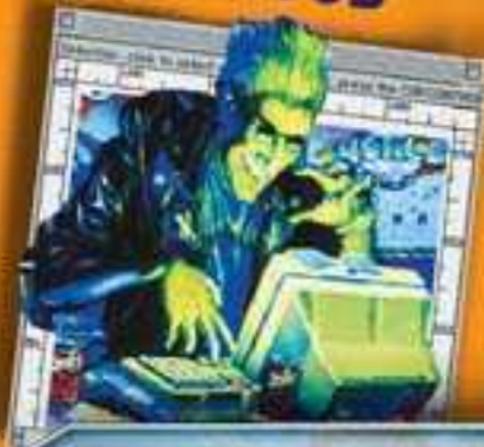

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ

Интернет-преступления

Хакер хочет в Тамбов

Реальное преступление -
виртуальное расследование!

Петр Северцев

Пирамида Хакера

Серия «Хакер»

текст предоставлен редакцией
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167951
Хакер хочет в Тамбов: Эксмо; 2005
ISBN 5-699-13595-2

Аннотация

Без Приятеля, то есть компьютера, оснащенного супердетективной программой, частный сыщик Валерий Мареев как без... головы. Кто еще на основе минимальной информации выдаст дельное решение, предупредит об опасности, укажет на вероятного преступника? На этот раз Приятель советует Валере ехать в Тамбов, именно там надо искать пропавшего человека. В этом миллом городке Валеру убедительно избивают, а свидетелей, которые могут помочь ему, хладнокровно убивают. Тем не менее Валера отыскал пропавшего. Вроде бы все в порядке. Но убийца не найден. И Приятель тоже нетерпеливо сверкает монитором, шуршит файлами, выдает советы. Нет, на этот раз в Тамбов ехать не надо. Убийца ведь совсем рядом...

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ

АФЕРА ХАКЕРА

Я проснулся от странного внутреннего толчка, передернувшего меня как курильскую сопку во время очередного землетрясения.

С испугом обзрев окрестности, я обнаружил себя в своем любимом кресле. Передо мной, поблескивая звездочками на пятнадцатидюймовом мониторе, видимо, тоже дремал Приятель.

Он, в отличие от меня, просыпаться и не собирался. Я посчитал это хамством по отношению ко мне и нажал первую попавшуюся клавишу на киборде.

Приятель тут же зажегся синим пламенем своего экрана, как бы выражая готовность приступить к работе.

«Не спать!», – вслух сказал я ему, хотя работать совершенно не собирался. Так, захотелось похулиганить «в легкую».

Видимо, трехчасовое сидение за компьютером, которого я называю Приятелем, сморило меня окончательно и я, не дождавшись окончания очередного сеанса блуждания моей РС-шки по интернетовским сетям, заснул сидя в кресле.

Приятель, выполнив свой долг, скачал информацию и по-своему задремал, погасив экран.

Я взял наполовину опустошенную пачку моих любимых

«Sovereign», я закурил, глубоко впустив в себя никотиновые струи, после чего с удовлетворением выпустил в давно небеленный потолок облако дыма. «Курить бросить, что ли?» – подумал ни с того ни с сего я и, слегка усмехнувшись свежести этой мысли, затянулся еще раз.

В конце концов я курю не такие уж вредные сигареты – согласно исследованием наших специалистов, «Sovereign» содержит меньше смол и никотина нежели....

Я подумал также, что немаловажным достоинством Приятеля является спокойное отношение к этой пагубной привычке. Можно сказать, что он относится к этому по-философски. А может быть, и никак не относится.

Я встал с кресла, поежился от преждевременно наступившей осенней прохлады, пошел на кухню поставить чайник. Уходя, я бросил мимолетный взгляд в правый угол Приятельского экрана – времени было 1.05. На кухне, зажгя комфорку под чайником, я тупо уставился в окно и стал смотреть на пустой, слабоосвещенный двор, единственным заслуживающим внимания объектом которого был серебристый БМВ моего соседа-гоблина.

Ощущение нервной тоски и какого-то дискомфорта не покидало меня. Впрочем, с годами это ощущение у меня постоянно возникает с приходом первых осенних холодов. Я часто задумывался над его происхождением. Может быть, это навеяно тем, что отметив свой день рождения 25 августа, я входил в осень постаревшим еще на один год. Может быть

оттого, что пять лет назад осенью в автокатастрофе глупо погиб мой старый товарищ Стас Козлов.

Та крутая программа-детектив, которая составляла значительную часть интеллекта моего Приятеля-компьютера, являлась нашим совместным с ним детищем, над которым мы работали несколько лет. Вскоре после этого я стал ловить себя на мысли, что я стал называть компьютер Приятелем, как бы перенося наши отношения со Стасом на умную, но бездушную железяку. Ведь на самом деле в Приятеле осталась часть самого Стаса, его мысли, идеи...

За последние пять лет Приятель рос и развивался, дополняясь и обрстая всевозможными новыми фенечками и прибамбасами, рожденными передовой компьютерной мыслью и на сегодняшний день представлял собой два винчестера по 7 Гигабайт плюс восемь магнитооптических дисков. Кроме этого, в помощниках Приятеля значились сканер, цветной лазерный принтер, устройство ввода и вывода видеoinформации, программы звукоанализаторов, картотека отпечатков пальцев и фоторобот.

Связь с Интернетом обеспечивал новейший телебитовый модем.

В отличие от своего Приятеля я вряд ли улучшался за эти годы. Пожалуй, это касалось всех моих сфер и ипостасей. Я расстался с целым рядом работ, женщин, друзей и знакомых.

Нынешняя сфера моей деятельности у многих вызывает усмешку и недоумение. Зачем высококласному программи-

сту, неглупому человеку заниматься копанием в чужом грязном белье, разбираться в чужих проблемах и пороках? И тем не менее что-то тянуло меня, вернее, нас с Приятелем,...

От моих невеселых мыслей меня оторвал громогласный гудок чайника, который возвестил о том, что он скипел и готов удовлетворить мои потребности в золотистом напитке. Я с раздражением, резким движением выключил комфорку и буркнул ему, чтобы он заткнулся. Затем я немного подумал и решил из вредности не пить чай. Напакостив таким образом ни с того ни с сего чайнику, я вернулся в комнату и снова уселся в кресло.

Очередной приступ плохого настроения и меланхолии был в самом разгаре. Я уже подумывал о том, не залить ли мне все это большой порцией горячительного (иногда это помогало), но не обнаружил в холодильнике ни следа спиртного. А я-то рассчитывал, что там что-то осталось после нашей очередной с Фимой Липовским посиделки.

Поскольку сам я алкоголь по одному из своих дурацких принципов никогда не покупаю, настроение мое не улучшилось, и я громко треснул дверью холодильника. И тут совершенно неожиданно для меня прозвучал телефонный звонок по сотовому телефону, который представился мне вершиной всегнo негатива, который обрушился этим вечером на мою психику.

«Пол-второго ночи... Какой мудака...» Поскольку сотовый телефон – вещь дорогая, и мало кто знал номер. Я понял,

что скорее всего звонят по важному поводу, и не поднять телефонную трубку я не могу.

– Слушаю вас, – по максимуму убирая из своего тона недовольные нотки, сказал я в трубку.

– Моя фамилия Передреев. Павел Викторович Передре-ев, – голос в трубке звучал сильно, ровно и спокойно, как у диктора телевидения.

Установилась длительная пауза, которую я тоже выслушал с большим вниманием, после чего сказал:

– Если это пароль, то он мне не знаком. Продолжайте дальше.

Лишь по легкой, едва уловимой интонации в голосе я понял, что мой абонент несколько смущен:

– Я, видимо, должен был начать с извинений за поздний звонок... Я работаю министром промышленности Тарасовской губернии... Столь позднее вторжение в вашу личную жизнь объясняется чрезвычайными обстоятельствами. Как вы, видимо, знаете из сообщений телевидения и радио, сегодня был убит министр экономики Евгений Зимин.

– Я понятия не имею, что показывало телевидение и общало радио, поскольку не смотрю первое и не слушаю второе, и получаю всю информацию через компьютер по сети Интернет.

Последняя информация пришла, когда я спал, и поэтому еще не смотрел. А что, начался осенний отстрел министров?

– Вы позволяете себе ерничать на подобные темы? – голос

в трубке превратился в жесткий, даже слегка агрессивный.

– В два часа ночи я могу себе позволить что угодно. И если вы позвонили просто, чтобы сообщить мне эту трагическую весть, то должен вам сказать, что информаторы, даже министерского уровня мне не нужны.

– Да, да, я понимаю, – голос в трубке смягчился. – Время позднее, вы, видимо, спали... И тем не менее... Поскольку я в курсе, что вы занимаетесь детективной деятельностью, я хотел бы выяснить, ведете ли вы какие-либо расследования.

Если нет, то у меня есть необходимость, желание и возможность нанять вас на работу с завтрашнего дня.

– С сегодняшнего, – поправил его я. – Никаких расследований сейчас я не веду. Однако вопрос о нашем возможном сотрудничестве я хотел бы поставить днем, в крайнем случае утром, так как ночью я не очень хорошо соображаю и, как вы уже заметили, нахожусь в отвратительном настроении.

– Не могли бы вы заехать ко мне в министерство в 8.00?

Пропуск я вам оставлю на вахте.

– Обычно клиенты сами приходят ко мне, но для министров в осенний период я сделаю исключение. В восемь так в восемь, – и положил трубку.

После разговора я почувствовал какое-то странное облегчение сродни тому, которое возникает у супругов после бурного скандала. Как мало надо человеку, чтобы привести в порядок свою нервную систему – достаточно наорать или нахамить ближнему. С этим радостным открытием я, пожелав

доброй ночи Приятелю, бросил свою тушу на кровать (которая при этом издала недовольный скрип), и заснул мертвым сном.

Будильник Приятеля был поставлен на 7.00. Часа мне хватило на бритье своей морды и ликвидацию чашки кофе перед визитом в Министерство.

Оно располагалось в отдельно стоящем трехэтажном особняке на улице Советской. Он был недавно реконструирован и покрашен в отвратительно ржавый цвет. «Такой же ржавый, как вся наша промышленность». Покраска осуществлялась непосредственно перед визитом в наш город главы государства.

Слава Богу, живу я на незаметной улице Майской, и накануне визита ко мне не стучались представители администраций и не просили вымыть окна на всякий случай. Один знакомый рассказывал, что к ним в офис пришли с подобной просьбой и, по причине плохого настроения начальства, были посланы на три буквы. На следующий день невымытые окна оказались покрашенными.

Несмотря на довольно ранний час, в Министерстве было много народа. То ли они вообще приходят на работу рано, то ли события вчерашнего дня заставили мелких и крупных чиновников явиться спозаранку в ожидании каких-либо новшества и перемен.

«Интересно, что же творится в министерстве экономики, которое возглавлял убиенный министр?», – подумал я.

Милиционер на вахте обычным оценивающим взглядом осмотрел меня с головы до ног и спросил:

– Вы к кому?

– Я к некоему Передрееву. Он у вас здесь министром работает, – съязвил я.

Милиционер создал на лбу толстую ложбинку, что являлось показателем высокого мыслительного процесса.

– Вы, видимо, Мареев?

– Все может быть. На всякий случай вот мои документы.

Милиционер создал еще одну ложбину на голове и просмотрел паспорт от начала до конца. Все же и это не успокоило его пытливым ум, но придраться было не к чему, и он, вернув мне документы, протянул мне пропуск:

– Второй этаж, комната 210. Вас там ждут.

– Спасибо, что напомнили, – сказал я и направился к лестнице.

Внутри Министерство производило помпезное впечатление.

Ковровые дорожки, видимо, были на всех этажах. Однако на втором этаже ковер был гораздо толще, чем на первом. Скорее всего, это потому, чтобы женщины, цокая по коридору каблуками, не сбивали с рабочего ритма руководителей этого достойного заведения.

Дверь в комнату 210 являла собой псевдодубовую дверь с псевдозолотой ручкой. Просторное помещение, являвшееся приемной министра, занимала одна секретарша со сво-

им компьютером и принтером. Последний громко трещал, являя миру очередное распоряжение или циркуляр. „Блин, могли бы и лазерный купить“, – с раздражением подумал я, не выносящий матричных принтеров в принципе.

Завидев меня, секретарша, женщина в районе тридцати пяти лет, псевдоблондинка высокого роста, вышла из-за стола и вежливо спросила:

– Представьтесь, пожалуйста. По какому вы вопросу?

– Не по процедурному, – сразу сказал я. – Моя фамилия Мареев. А ваш шеф – Передреев, – неожиданно пришла мне в голову рифма. И после некоторой паузы, когда секретарша непонимающе слушала мое стихоплетство, закончил:

– Приглашал меня к восьми в свой кабинет.

– Присядьте здесь, – сказала мне секретарша и указала мне на диван.

Долго сидеть мне не пришлось, так как секретарша не задержалась в кабинете у шефа и буквально через несколько секунд предложила мне туда пойти.

Поскольку обладателя голоса, вещавшего мне в два часа ночи о произошедшем в нашем городе накануне, я никогда раньше не видел, то я с некоторым удивлением начал рассматривать худосочного субъекта. В принципе, в его внешности не было ничего примечательного: средний рост, слегка вытянутая шея, прямой нос, аккуратно выбритая тонкая нить усов. Глаза излучали строгий и серьезный взгляд, но их он прикрыл темными очками-хамелеонами. Одет министр

был во все темное, единственной светлой деталью его одежды являлись полоски на галстуке. На вид ему было лет сорок-сорок пять, о чем свидетельствовала обильная седина в его волосах.

„Министр траурных дел“, – таково было мое резюме от увиденного.

Передреев вышел из-за стола и молча протянул мне вялую руку, которую я в пику ему весьма энергично пожал. Мне показалось, что он даже поморщился. „Ну и хрен с тобой, слуга народа...“, – совсем уже разошелся я в своих мыслях.

В углу кабинета, рядом с журнальным столиком, стояли два здоровенных кресла, в которых мы расположились, при этом Передреев почти утонул в своем.

– Давайте без долгих преамбул, – начал он, закуривая сигарету. – Суть моего предложения вам уже ясна. Перейдем к деталям. Мне необходимо чтобы вы расследовали все обстоятельства данного убийства, все версии, начиная от политических и финансовых кончая бытовой. Особое внимание я бы обратил на экономические мотивы убийства, хотя вы должны отработать версию убийства на почве личной неприязни.

Выступать я буду как частный заказчик, но, как вы понимаете, учитывая мою должность и положение в политической элите города, в результатах расследования заинтересованы многие влиятельные люди. Не волнуйтесь, ваш труд будет достойно оплачен, ваши технические затраты будут ком-

пенсированы. Вы можете обращаться ко мне с любой просьбой, связанной с ходом расследования. Насколько это возможно, все они будут удовлетворены. В ходе расследования я буду оказывать вам информационное и организационное содействие. Ну вот, собственно, и все, что я хотел сказать. Теперь я готов выслушать вас.

Я молча затянулся сигаретой. Не знаю, готовился ли человек долго к нашей беседе и подбирал слова либо он всегда так говорил, но надо отдать ему должное, манера разговора производила впечатление. Краткость, сухость и четкость изложения всегда мне импонировали, хотя сам я вряд ли обладал подобными достоинствами. Наконец, после пятисекундного замешательства я сказал:

– Я хотел бы уточнить два вопроса. Первое – наши доблестные правоохранительные органы вовсю занимаются этим делом. Зачем вам нужен еще и частный детектив? Второе – если я соглашусь, то я возьму сто долларов в день плюс затраты. Устроят ли вас такие суммы?

– Начну сразу со второго, – по-прежнему ровным и сильным голосом ответил Передреев. – Да, конечно. Если нужна предоплата, вы ее получите. Что касается первого, то вопрос нуждается в более развернутой аргументации и конкретизации.

А именно: правоохранительные органы по своей сути обязаны соблюдать правила игры, предполагающий их полный нейтралитет в отношении кого-либо. Однако это не всегда

бывает так, и я не могу гарантировать, что результаты исследования могут быть доступны одним и недоступны другим. Поэтому я и люди, которых я представляю, заинтересованы иметь свой дополнительный источник информации.

– Нескромный вопрос: а кого вы представляете? – прикинулся я шлангом.

– Думаю, что сейчас это не суть как важно. Я являюсь вашим заказчиком и буду платить вам деньги, а со временем вы сами во всем разберетесь. Итак, согласны ли вы?

Я подумал и решил проявить еще большую краткость и сухость, чем мой собеседник, и сказал:

– Да.

И потом все же добавил:

– При одном условии. Поскольку Зимин был политиком, и насколько я понял, довольно влиятельным, исключить убийство по политическим мотивам я не могу. Исходя из этого, я должен предупредить вас, что как только я пойму, что отработка остальных версий и причин не дает сколько-нибудь серьезного результата и вероятность политических мотивов будет очень высока, я заканчиваю работать над этим делом. В политику я не лезу – это одно из моих правил, да и возможностей для расследования политического убийства у меня нет никаких.

Если вы согласны с подобной оговоркой, завтра я приду за авансом.

Передреев задумался, потерев влажной узкой ладонью

лоб.

– Ну что ж, пожалуй, это будет справедливо. Я согласен.

– О'кей. А теперь меня интересуют обстоятельства убийства.

Домой я попал где-то к двенадцати часам. Перед этим я заслушал информацию Передреева о том, что он знал об убийстве Зимина, кое-что о самом Зимине и его биографии.

После этого я заехал к моему соседу капитану милиции Аслану Макарову, который работал командиром взвода ППС. Тот не внес ничего нового в рассказ Передреева – тот, скорее всего, получал информацию из заслуживающих доверия источников.

Зажевывая наскоро сделанный бутерброд с холодной телятиной, я предстал перед ликом Приятеля и торжественно активизировал монитор. Поскольку Приятель был большим формалистом, он требовательно приказал мне представиться. Как будто сам не знал, кто находится перед ним.

– ХАКЕР ЗЮЗЯ, – пошутил я.

Реакция Приятеля, определенная 200 мегагерцами тактовой частоты, была мгновенной и уничтожающей:

– ПРОСТИТЕ, Я ВАС НЕ ЗНАЮ... И ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ.

– НУ И МУДАК, – продолжал куражиться я.

– КОЗЕЛ ЕБЛИВЫЙ, – ругнулся в ответ Приятель, выбрав одно из многочисленных матерных ругательств, которым я же его и обучил.

Мне эта фраза почему-то сегодня не понравилась, и я ре-

шил вывести ее из памяти железного друга. Хватит, шутки в сторону, и ввел пароль:

– ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ПРИЯТЕЛЬ.

– ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ОПОЗНАН. ПРИВЕТ, ХАКЕР!

– ХОЧУ ПОДБРОСИТЬ ТЕБЕ ИНФОРМАЦИЮ,

– я нажал кнопку „Р“ и начал грузить своего Приятеля информацией о подробностях убийства Зимина. Суть коих сводилась к тому, что министр экономики Тарасовской губернии Евгений Зимин прибыл на заседание экономического совета губернии, которое проводилось раз в два месяца по четвергам в здании Общественного Комитета Российских Реформ (ОКРР) на Московском проспекте. Центральный вход в это здание уже второй месяц реконструировался – заменялись сгнившие лестничные марши, поэтому все посетители пользовались входом со двора. Зимин приехал на заседание на служебной автомашине ГАЗ-3110, которая остановилась на проспекте. Поскольку министр опоздал на заседание, свидетелей того, как он проходил через подворотню, не было – собравшиеся ждали его внутри.

Следствие предполагает, что как только Зимин вошел в подворотню, навстречу ему из заброшенных построек во дворе вышел киллер и проследовал за ним внутрь. В подъезде убийца произвел пять выстрелов в спину и затылок. Зимин умер практически мгновенно. В мусорном баке во дворе милиция обнаружила газовый револьвер, переделанный под боевые патроны. Убийство произошло приблизительно

в 20.15.

Свидетелей убийства не было, приметы киллера также остались невыясненными. Зимина обнаружила в районе 20.30 уборщица ОКРР Анадольская, пришедшая на работу.

Закачав информацию в память Приятеля, я набрал в командной строке:

– Режим поиска. Ключевое слово

„ЗИМИН“.

Приятель, зажмурив экран монитора, тихо зашуршал кибернетическими мозгами. Через некоторое время появилась надпись:

ИНФОРМАЦИЯ. ЗИМИН ЕВГЕНИЙ
КОНСТАНТИНОВИЧ

„Ну что ж, поехали“, – сказал я сам себе и нажал Enter.

На экране всплыла фотография молодого брюнета с длинным носом и аккуратными усами. Взгляд спокоен и доброжелателен, такой обычно бывает у вполне уверенных в себе людей.

Зимин Евгений Константинович, 37 лет, уроженец города Тарасова. Мать – преподаватель, отец – военнослужащий.

Высшее образование, Тарасовский юридический университет.

Служил в органах госбезопасности. Звание майор. Возглавлял отдел по экономическим преступлениям управления КГБ по Тарасовской области. После

ухода из органов непродолжительное время занимался бизнесом. Фактический владелец ряда предприятий, функционирующих в разных сферах бизнеса (торговый дом, юридическое бюро и т. д.). Три года назад перешел на работу в областную администрацию по приглашению ставшего тогда губернатором Виталия Ямцова.

После реорганизации областной администрации стал министром экономики губернии. Имел серьезное влияние в правительстве и финансовой элите губернии.

ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ.

С его деятельностью связывают новую волну тарасовского предпринимательства. Является членом команды губернатора Виталия Ямцова, с которым, по слухам, состоит в дружеской связи. Этими двумя факторами определяется бурный рост его карьеры в правительстве. Зимину в ближайшее время прочили пост заместителя председателя правительства.

Сильно задумываться над полученной информацией мне особенно не хотелось, и я решил предоставить эту прерогативу Приятелю, набрав в командной строке:

АНАЛИЗ ПРИЧИН УБИЙСТВА

Приятель прожужжал что-то сам себе и выдал:

ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СЕРЬЕЗНОГО АНАЛИЗА НЕДОСТАТОЧНО. БУДЕТЕ СМОТРЕТЬ?

– Ладно, не занудствуй, – ответил я ему и нажал Enter. Он тут же выдал процентовку вариантов:

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО – 35 %

УБИЙСТВО ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ МОТИВАМ

– 35 %

УБИЙСТВО ПО ЛИЧНЫМ МОТИВАМ – 29 %

НЕПРЕДНАМЕРЕННОЕ УБИЙСТВО – 1%

„Ну, ты и выдал“, – не удержался я, хотя грех было жаловаться на Приятеля, он же предупреждал. Действительно, информации было недостаточно. И как это не печально, мне предстояло заняться банальной рутинной работой – ее сбором.

Первым моим желанием прошупать по своим каналам, насколько это возможно, о существующих в правительстве губернии группировках и их взаимоотношениях. Вторым, представлявшимся мне более перспективным вариантом была разработка бытовой версии. Для этого надо было покопаться в личной жизни министра. Наверняка в голове такого человека как Зимин, имевшего деньги и власть, бродили шаловливые мыслишки о том, как насытить свою жизнь по максимуму. У него вполне могла быть любовница (и даже не одна). Какие-нибудь старые долги, в том числе карточные... В конце концов он просто мог наступить кому-нибудь на ногу в вестибюле на очередном экономическом форуме. Жизнь периодически преподносит нам совершенно неожиданные сюрпризы...

Порассуждав еще немного о своих первых шагах в данном деле, я протянул руку к телефону и набрал номер музыкаль-

ной школы.

Там работал мой старый приятель-одноклассник Ефим Липовский.

Грубоватый голос вахтерши объяснил мне, что Липовский уже ушел домой и больше не появится. Тогда я перезвонил ему домой. Трубку взял сам Фима.

– Ну что, стареющий еврей? – пустился я сразу без всяких там церемоний. – По-прежнему не хочешь работать? Совсем перестал растить гениев музыкального искусства? Время три часа, а ты уже дома?

Фима, привыкший к моим словесным наездам, пропустил мимо ушей все мои фразы.

– Да-да, сижу дома, пропиваю свою часть от продажи России.

– Видать, за дорого вы ее продали. Ты последние десять лет пьешь без перерыва.

– Зато очень умеренно, – ответил Фима.

– Фима, а можно мне к тебе присоединиться? Ты же знаешь, я пью только на халяву.

– И кто из нас стареющий еврей? – быстро отреагировал Липовский.

– Ладно, тут дело не в скупости, а в принципе. К тому же я не просто хочу выпить, и не столько с тобой, сколько с твоим соседом по дому. Он, кажется, чиновник из областной администрации... Как его?

– Дверкин, – ответил Фима. – И никакой-то чиновник

администрации, а замминистр сельского хозяйства в правительстве губернии.

– Неважно. Мне надо с ним встретиться, можно за бутылкой.

Мне нужно снять кое-какую информацию, причем знать он все-таки об этом не должен.

– Если ты купишь закуску, проблем не будет. Приходи полдевятого, – сказал Фима и положил трубку.

В чем-чем, а в организации застолий Фиме не было равных. На этот счет я мог быть спокоен. В 20.30 с пакетом, в котором были ветчина, коробка финского сыра и две банки консервов, я я стоял около двери Фиминой квартиры.

Фима встретил меня в своем обычном потрепанном трико, коленки которого болтались как пустые горбы у верблюда.

Волосатую грудь Фимы прикрывала белая с голубыми камочками футболка с красовавшейся на левой груди надписью „Д“. Помимо своего прямого предназначения, футболка служила моему приятелю также полотенцем для вытирания рук во время приготовления пищи. Вот такой, помпезный и блестящий (последняя фраза могла быть отнесена и к его надраенной лысине), Фима проводил меня на кухню, в которой он обычно и принимал гостей, начиная еще с застойных лет.

За большим круглым столом, облокотившись на него локтями, сидел полный толстомордый мужик с пышной седой шевелюрой возраста порядка пятидесяти лет. Мужик уперся

взглядом в стоящую перед ним тарелку с солеными огурцами. Большая голова склонилась над столом, образовав тем самым несколько подбородков. Он явно начинал видеть радости жизни, которые появляются обычно у человека после залития внутрь организма определенного количества спиртного. При моем появлении мужик поднял голову, гармошка подбородков исчезла, и он устремил на меня бесцветный взгляд своих голубых глаз.

Я молча кивнул ему головой, но подумал, что этого будет недостаточно, и подкрепил свое приветствие речевым фоном:

– Валерий Борисович. Можно просто Валерий.

Мужик сделал попытку подняться, удавалось ему это уже с трудом, однако ответное приветствие было произнесено довольно четким и ясным голосом:

– Петр Николаевич. Можно просто Петр.

– Ну вот и ладушки, – произнес за моей спиной Фима и, выхватив у меня пакет с продуктами, устремился к столу. В считанные секунды Фима умелыми движениями распаковал продукты, а Петр Николаевич (или просто Петр) уверенной рукой разлил по 50 грамм греческого коньяка.

– Ну, за знакомство, – произнесли мы все почти одновременно и приблизительно в таком же режиме опорожнили рюмки.

В дальнейшем беседа потекла в духе, который обычно практикуется у людей, относящих себя к сословию интелли-

гентов. Петр Николаевич рассказал о том, что у него был тяжелый день – два заседания министерства по вопросам сбора урожая (одно из них было выездным) вымотали его окончательно. Фима сказал, что его окончательно запарили бездарные ученики, которые к тому же не хотят учиться, и что зарплату в музыкальной школе по-прежнему задерживают на два месяца. Я высказался просто в том духе, что „жизнь – дерьмо“, но что-либо конкретизировать не стал. Наконец, когда уровень оживления беседы повысился, а уровень содержимого в бутылках понизился, и мы называли друг друга просто Фима, Петя и Лерик, я дождался очередности Петьки рассказывать о своих проблемах в правительстве и задал каверзный вопрос:

– У вас там в правительстве что, вааще что ли ох. ели?

Правда, что убили министра?

Петя даже слегка протрезвел. Тема, видимо, его сильно занимала.

– Да, мы все в шоке, весь день охреневшие ходим.

– А за что его? Больно крутой, что ли, был?

Петя как мог задумался и сказал:

– Крутой не крутой, а мужик был нормальный, грамотный.

Особо никому вреда не причинял, многие его уважали.

– Кто он вообще? – спросил я наивно.

Петр опрокинул очередные пятьдесят грамм, закусил ветчиной и сказал:

– Министром экономики был. За экономическую реформу отвечал, бизнес развивал, перспективы имел неплохие... У нас многие считали, что у него есть серьезные шансы стать губернатором. Если, конечно, Виталик в Москву перебраться надумает... А тут, понимаешь, такое...

– Так его что, – по максимуму делая удивленное лицо, спросил я, – свои же братья-чиновники из зависти шлепнули?

– Что ты! Не знаю, – задумался Петр. – Не думаю я.

„А надо бы думать“, – поерничал я про себя.

– Кого же из-за неясных перспектив прежде времени шлепают?! – продолжал заместитель министра. – Губернатор непонятно когда в Москву пойдет. Может, через месяц, а может и лет через пять. Обстановка в области спокойная, все под контролем. Вряд ли кто-то решился на такое, – еще раз убежденно повторил он.

– Кому же это понадобилось?

– Кто же знает-то? Ты что, следовательно, что ли? Сидишь тут, допрашиваешь... Мы сами не знаем, сидим, репу чешем, – откровенничал Петр. – Наверное, взял какие-нибудь обязательства, задолжал кому-то. Что-то в этом роде...

– Ну и дела, – подперев небритую щеку кулаком, произнес Фима.

– Шли бы они, эти дела, – неожиданно взвился Петька. – Давайте лучше о бабах.

Осознав решительный настрой собеседника откреститься

от старой темы и очевидную привлекательность новой, я понял, что большего выбить из него сегодня не удастся.

Еще минут сорок я слушал о перипетиях сексуальной жизни Пети за последнее время. Даже на пьяную голову мне трудно было представить как он мог совершать столь головокружительные подвиги с таким животом и тяжелым дыханием.

Ну, да Бог с ним. Я же счел за лучшее откланяться. Выбрал удачный момент и медленной, неуверенной походкой побрел к выходу. „Перебрал парень“, – громким шепотом сказал Петр бросившемуся провожать меня Фиме.

На лестничной площадке я уже бодро и энергично пожал Фиме руку и поблагодарил за приятный и полезный вечер.

– Все, чем могу. Деньги будут – заходи, – сказал на прощание он.

– С последней пенсией, Ефим Михалыч, – ответил я ему в тон и стал спускаться по лестнице.

Размышляя о событиях прошедшего дня, я пришел к выводу, что размышлять, собсрвенно, не о чем. Нужна информация из разных источников. Я решил пойти по простому пути: придя домой, я набрал домашний телефон Передреева.

– Павел Викторович, – уточнил я, когда мужской голос ответил мне: „Слушаю“.

– С кем я говорю?

– Мареев говорит. Теперь моя очередь беспокоить вас ночью.

Приятель показывал 00.15. К сожалению, сегодня мне сказать было ему нечего.

– Слушаю вас внимательно, – не стал вдаваться в комментарии Передреев.

– Мне нужна информация, причем как можно больше. Причем информация из источников, близких к Зимину. Желательно было бы побеседовать с членами Экономического Совета, или как он у вас там правильно называется?

– Губернского Экономического Совета, – поправил меня Передреев.

– Нужно это сделать как можно скорее, в противном случае я не могу выработать никаких версий, которые лежали бы в сфере политики.

Передреев задумался. Были слышны только его дыхание и помехи на линии. „Думай, думай, думай, думай, думай“, – как всегда стал ерничать я про себя на мотив некогда популярной песенки.

– Хорошо, – наконец выдавил из себя министр. – Завтра похороны Зимина. Возможно, с кем-то удастся побеседовать на них, хотя я и не могу полностью это гарантировать. С остальными я устрою вам встречу в воскресенье. А завтра подходите к зданию областной думы к 12 часам дня.

Положив трубку, я тяжело вздохнул, как вздохнул бы каждый, которому на следующий день предстояло „увлекательно“ провести время на таком мероприятии, как Похороны Чиновника.

К двенадцати дня я как мог ближе подобрался к зданию областной думы. В вестибюле уже собралась достаточно большая толпа, состав которой подтверждал значимость покойного в жизни нашей богоспасаемой губернии. Срез социума был самый разнообразный. Меньше всего здесь присутствовали простые граждане, они были представлены скорее случайными зеваками.

В значительной степени был представлен командный корпус чиновников Правительства губернии. Этих можно было угадывать с первого взгляда.

Средний типаж представлял собой человека, одетого в недорогой темный костюм, белую рубашку и темный неброский галстук. Аккуратно зачесанные волосы, постные физиономии, некая зажатость движений людей, привыкших действовать в рамках субординации. Они тихо, но в то же время активно общались между собой. Я бы не сильно удивился, узнав, что основной темой разговоров является конец дачного сезона, сбор урожая, последняя хитовая глупость тещи и особенности эксплуатации „Жигулей“ в зимний период.

Значительной группой присутствовали люди, с которыми погибший министр провел первые годы своей трудовой карьеры.

Некоторые из них были одеты в зеленую военную форму, по штычкам которой невозможно было определить, к какому роду войск относятся эти военные. Однако большинство бывших коллег по органам безопасности являли собой тип

людей, которых я называл „бизнесмены в штатском“. Эти были более раскованны, привыкшие профессионально и по долгу службы чувствовать себя своими в любой компании.

Просто бизнесмены также были представлены на этом, с позволения сказать, и выглядели наиболее живописно. Хотя я предполагаю, что они не слишком пытались выпендриться, но стоимость их костюмов редко у кого была меньше шестисот гринов. Хотя темные галстуки, скорее всего, были извлечены из старых студенческих запасов, но в них были воткнуты бриллиантовые заколки. Надо полагать, для придания большей скорби. Эта группа старалась держаться обособленно. Одни предпочитали разговору жевание баббл-гума. Некоторые не желали до конца следовать канве предстоящего мероприятия и радостно между собой общались.

По мере накопления толпы в вестибюле милиционеры стали производить фильтрацию, и любопытствующим зевакам была представлена возможность ожидать вынос тела на улице. Я заметил в толпе чиновников Передреева и, поймав его взгляд, кивнул в качестве приветствия. Он не сразу, но все же подошел ко мне. Мы поздоровались, после чего он сказал:

– Видимо, до похорон поговорить не удастся. Я могу лишь визуально вам представить нескольких людей, с которыми я попытаюсь устроить вам беседы. Вот тот высокий черно-волосый человек в сером костюме и темно-синей рубашке, что стоит у ближайшей к нам колонны, является ближайшим другом, бывшим сослуживцем покойного. Его зовут Алек-

сандр Говоров.

– Он из какого сословия? – спросил я. – Чиновник, бизнесмен или из компетентных?

– Из органов он уволился раньше Евгения, сейчас возглавляет юридическую фирму.

– Те трое коммерсантов у окна, – Передреев продолжал выступать в роли гида, – также были близки к Зимину. Тот, что пониже – Аркадий Бойко, возглавляет торговый дом „Ривера“. Стоящий рядом с ним усатый человек в дымчатых очках – Василий Лагутин, председатель правления банка „Элвис“. Третье лицо – Владимир Иванов, возглавляющий нефтяную компанию. Все эти люди представляют собой ближайший круг экономических советников и бывших партнеров по бизнесу Евгения Зими́на.

В этот момент заиграла музыка, и через входную дверь в вестибюль внесли то, что осталось от перспективного министра экономики и кому пришли отдать последнюю дань собравшиеся.

Дальше все пошло по накатанному сценарию. Гроб установили в центре и началась гражданская панихида. Желаящих высказаться было достаточно. Все три значимые слоя присутствующих, кроме родственников и зевак, выступили по вопросу повестки дня. Ораторы старались возвысить покойного в заслугах так, как будто от их речей зависело, оживет он или нет. Впрочем, в речах некоторых из них я уловил нотки искренности.

У гроба стояла невысокая женщина лет тридцати пяти в черном платке. На ее лице, не лишенном обаяния, отразились последние бессонные ночи. Рядом с ней стояла девочка лет тринадцати с собранными в хвост волосами, которые перетягивала темная лента. Невдалеке от них стояли, видимо, родители покойного – высокий седой остроносый мужчина с несколько аскетичным лицом и отрешенным взглядом и маленькая сухенькая старушка в шляпке с темной вуалью.

От скуки я стал разглядывать толпу: некоторые терпеливо слушали ораторов, другие были погружены в размышления по поводу собственных проблем. Мое внимание привлекла высокая женщина с шикарной, не на похоронах будет сказано, фигурой, с чертами лица, красоту которых не могли скрыть даже темные очки. Пышные платиновые волосы она прикрыла небольшой темной прозрачной косынкой.

„Интересно, а это что за экземпляр?“ – подумал я. Насколько позволяли приличия, я продолжал разглядывать даму, так как ничего более интересного я пока на этом мероприятии для себя не находил. Тем временем процедура подходила к своему завершению: апофеозом стал приезд на панихиду губернатора Виталия Ямцова. В сопровождении свиты из трех-четырех человек он энергично пересек холл, направившись к родственникам покойного. Выразив свои соболезнования, он произнес краткую, но емкую речь о несправедливостях и ужасах этого мира, которые лишают нас лучших представителей рода человеческого. Ямцов заверил со-

бравшихся в том, что все виновные в смерти Зимина будут найдены и получат по заслугам.

После своей речи губернатор скромно отошел в сторону, дав понять организаторам, что панихида завершена и пора осуществлять вынос. Далее, как заведено по ритуалу, эстафету перехватили женщины, которые начали всхлипывать, реветь и голосить. Дюжие молодцы подхватили на плечи гроб и потащили его к выходу. Толпа медленно двинулась к выходу по свежеразброшенным цветам. Впереди несли портрет усопшего, видимо, пятнадцатилетней давности, времен окончания им университета.

Я вместе с толпой устремился на выход. На свежем воздухе, на сентябрьском солнце, мне стало значительно лучше. Я закурил сигарету и стал наблюдать, как участники мероприятия грузятся кто в поданные казенные автобусы, а кто и в свои собственные автомобили. Потянулся и я к своей „пешке“.

Я уселся за баранку и тут снова заметил приближающуюся к моей машине по проезжей части даму, столь бесцеремонно привлекающую мое внимание во время панихиды. Женщина сняла темные очки, вытирая слезы. Я был удивлен силой душевных переживаний, отразившихся на ее лице.

„А вот эта красавица, наверняка, неподдельно переживает смерть министра“, – подумал я.

Женщина быстро водрузила темные очки на прежнее место и, не дойдя до машины, вдруг вынула из кармана блуз-

ки ключи и открыла припаркованный передо мной темный „Фольксваген-Гольф“. Усевшись за руль, она какое-то время сидела без движения. Затем она быстро завела мотор, выкрутила баранку в крайнее положение и с пробуксовкой стартовала с места. Все это время я следил за ней с неослабевающим вниманием, и как только „Фольксваген“ отделился от тротуара, я так же быстро завел свой „Жигуленок“ и устремился вслед за ним. Честно говоря, я еще сам не знал, зачем я еду за этой женщиной, но мне не хотелось упускать ее из вида.

Несмотря на оживленность движения в городе, темный „Гольф“ уверенно лавировал в потоке автомашин и мне составляло немало труда на своем рыдване удержаться за ним и не потерять его. Раза два на перекрестках я чуть не создал аварийную ситуацию, проехав на зажигающийся красный свет, не обращая внимания на скрип тормозов уходящих от столкновения со мной автомобилей. Я был так увлечен погоней за красивой незнакомкой, что неожиданно для себя обнаружил, что мы далеко удалились от центра и въехали в микрорайон Солнечный.

„Фольксваген“ нырнула на одну из небольших улочек и остановилась у кирпичной пятиэтажки. Преследуемая мной водительница вышла из автомобиля, который мигнул ей вслед включившейся сигнализацией, и прошла в подъезд дома под номером 57/59 по улице Трахова.

„Неужели я прожег столько бензина только для того, что-

бы сопроводить эту даму домой?“ – подумал я. Я разозлился на свою глупость и, круто развернувшись, отправился обратно для бесед с людьми, которые составляли Губернский Экономический Совет.

Мои расчеты сбылись достаточно точно: как я и ожидал, к поминальному обеду, который должен был состояться в ресторане гостиницы „Славия“, народ стал подъезжать к пяти часам. За это время на всякий случай я успел перекусить, нанеся визит вежливости к одной из своих старых знакомых.

Видимо, погоня за незнакомкой запустила дремавшие физиологические процессы, сексуальная мощь во мне возросла, и потребовалась ее существенная корректировка в меньшую сторону.

В 17.15 я припарковал „Жигули“ на платной стоянке у гостиницы, которая к этому времени уже была достаточно заполнена.

В этом месте поминки были устроены специально для определенного круга лиц, которые считали себя элитой местного общества. На входе в ресторан стояли два дюжих охранника, один из которых был с рацией. Посчитав рацию символом власти, я обратился к нему, назвав свою фамилию.

Как это часто бывает, я ошибся, поскольку символом власти в данный момент был список приглашенных, который находился в руках у другого охранника. К моему вящему удовольствию, я в нем значился. Надо запомнить дату – день моего включения в состав элиты общества.

Однако я не стал наглеть и скромно устроился в дальнем конце П-образного стола. Публика подходила довольно вяло, но через пятнадцать минут зал заполнился, люди расселись и стали чего-то ждать. Как выяснилось, ждали губернатора, который прибыл как всегда в последний момент.

В качестве основного инструмента поминания использовался „Смирнов“. К нему прилагались бутерброды с черной и красной икрой, осетриной и прочими пищевыми атрибутами состоятельных людей. Как и следовало ожидать, собравшиеся не молчали.

Губернатор на сей раз открыл эстафету поминальных речей. Как и у гроба, речь его была краткой и емкой. Он меньше говорил о достоинствах покойного, а больший упор сделал на то, что и как он и его окружение сделает для скорейшего раскрытия совершенного преступления. В самом факте раскрытия у него сомнений не было никаких.

„Уж не обо мне ли он столь высокого мнения?“ – подумал я.

Мне даже показалось, что он слегка посмотрел в мою сторону.

Однако я поторопился. Губернатор сообщил, что создана следственная группа, в состав которой вошли представители прокуратуры, МВД, ФСБ и кого-то там еще. Эта группа вплотную должна была заняться расследованием убийства. Ямцов призвал всех собравшихся помогать работе этой группы и всячески ей способствовать. Выступившие после

губернатора ораторы все как один дали понять, что они всячески поддерживают Ямцова в его начинаниях и готовы приложить все усилия для достижения намеченной цели.

По данной схеме выступали почти все ораторы, однако со временем наметилась странная тенденция – все больше места в их речах отводилось восхвалению губернатора и все меньше – тому, из-за чего они все здесь собрались. Я уже испугался, что поминки превратятся в громогласный панегирик лидеру региона, как он вдруг встал и покинул мероприятие.

Данный уход послужил сигналом для большинства присутствующих – началось более неформальное общение. Это выразилось в том, что многие поднялись и пошли курить.

Так поступил и я, направив свои стопы к моему знакомому Передрееву, который уже начал отыскивать меня взглядом.

– Помните, на панихиде я вам показывал троицу людей – Лагутина, Бойко и Иванова?

– Да, конечно.

– Я уже поговорил с ними, особых возражений поговорить с вами у них нет.

„Господи, какое счастье“, – про себя подумал я, слегка задетый за живое, что они не возражают.

– Отыскивайте их, представляйтесь и беседуйте, – предложил мне Передреев.

Первым я заметил выходящего из зала Лагутина. Я уско-

рил шаг и догнал его уже в дверях.

– Добрый вечер, – сказал я. – Если не ошибаюсь, вы Лагутин. Меня же зовут Мареев. Обо мне вам говорили.

– Кто?

– Передреев.

Лагутин бросил на меня колючий взгляд из-под дымчатых очков и спросил:

– Что вас интересует?

– Вообще-то вам должны были объяснить и это. Но думаю, что это не секрет – я частный детектив, расследующий обстоятельства убийства Евгения Зимина. Мне нужна информация, я хотел бы с вами поговорить.

Лагутин, задумавшись, провел холеными белыми пальцами по усам, и серьезно сказал:

– Сегодня неподходящий для этого день. Вы не находите?

– Нет, – ответил я.

– С моей точки зрения, лучше перенести разговор на завтра.

– Поскольку эта точка зрения является доминирующей, так мы и поступим.

– Вот моя визитка, позвоните мне в час дня в офис, – так же серьезно ответил Лагутин, пропуская мои колкости мимо ушей. – Вам передадут информацию о том, где меня можно будет найти.

Он повернулся и не прощаясь уверенным шагом направился к выходу. Я не успел даже откланяться.

„На нет и суда нет“, – подумал я. Я не стал особо огорчаться, и принялся искать остальных членов „святой троицы“. Эти двое тоже решились не задерживаться – их я заметил также направляющимися к выходу.

Господи, кто же будет жрать оставшуюся в изобилии на столе осетрину? Видимо, чиновники средней руки – у них наверняка небольшая зарплата... Времени обдумать детально подобную херню у меня не было, и я решил взять быков за рога (если это было применимо к моим будущим собеседникам).

Я твердым шагом направился навстречу Бойко и Иванову.

– Господа, – сказал я, когда до столкновения оставалось три шага. – Моя фамилия Мареев, я частный детектив, вам обо мне должны были говорить.

Они остановились и быстро переглянулись.

Первым отреагировал Бойко:

– Что вы хотели от нас услышать? – в его голосе звучали детские оттенки, которые очень вязались с его пухленьким розовым лицом и слегка приоткрытым ртом, как будто он всегда был чем-то удивлен.

– Информацию, касающуюся Зимина и его деятельности.

– Какого рода информацию? – вступил в разговор Иванов.

На его худом, несколько аскетичном лице я прочел некое напряжение.

– Давайте так – я буду задавать вопросы, вы будете отвечать или отказываться, ссылаясь на какие-либо причины.

Ведь диалог у нас не принудительный, а добровольный.

Молодые люди еще раз переглянулись, и Иванов сказал:

– Нам уже надо ехать, если хотите, поехали вместе и поговорим по пути.

Выбора у меня не было, и я сказал:

– Отлично.

Мы вышли на улицу и подошли к темной „Вольво-850“, где сидел истомившийся в ожидании шофер. Я сел за спиной шофера, чтобы мне было удобно видеть севшего впереди Иванова и пристроившегося рядом со мной Бойко.

Я продолжил активничать. Вопросч сразу обоим:

– Как давно вы знали Евгения Зимина?

– Достаточно давно, – сухо ответил Иванов.

– Лет десять, – подтвердил Бойко.

– То есть когда он еще работал в органах?

– Да, – нехотя согласился Иванов.

Бойко и на сей раз был более откровенен:

– У нас были тогда мелкие неприятности с законом на экономической почве, мы уже тогда занимались предпринимательством.

– Какого рода?

– Вам что, всю биографию рассказать? – колко спросил с переднего сиденья Иванов.

– Тогда это называлось фарцой, но, уверяю вас, это к делу не относится. Просто Евгений уже тогда мыслил дальше, чем другие, и, будучи порядочным человеком, помог нам ре-

шить некоторые проблемы с законом. Он вошел в наше положение, тогда еще совсем молодых парней, комсомольских работников, первый раз съездивших за рубеж, – рассказывал Бойко.

– Он и в дальнейшем помогал вам на стезе бизнеса?

– Как только начались реформы, и мы занялись предпринимательством легально, он помогал нам в тех случаях, когда возникали проблемы с криминальными структурами.

– То есть „был крышей“?

– Не в том смысле. Закон он никогда не нарушал, – возразил Бойко.

„Это в нашей стране-то... Просто святой... Ангел господен“, – подумал я.

– И уже несколько позже, когда он ушел из органов, поняв, что его предназначение в жизни – бизнес и политика, мы пригласили его на главные роли в коммерческие структуры, которые сами к тому времени создали и развили. С его приходом дела пошли еще лучше. Он предприниматель от Бога, – патетично воскликнул Бойко.

– Однако в этом качестве он работал немного, года два, а потом ушел в Правительство, – заметил я.

– Не черта было лезть в политику, – мрачно проговорил Иванов, глядя на фары встречных автомобилей.

– Он хотел пойти дальше, перейти в новое качество, поднять планку в целях, – пояснил Бойко, – бизнес для него был лишь средством в достижении этих целей.

– При таких амбициях должно было быть немало завистников, желающих порушить эти планы. Вы кого-нибудь конкретно подозреваете?

Оба разом замолчали.

– Если откровенно, – опять не выдержал первым Бойко. – то представить себе кого-то конкретно я не могу. Да, недоброжелатели были, но открытых непримиримых врагов лично я просто не знаю. Евгений умел обдeldывать свои дела так, чтобы не доводить до серьезных конфронтаций с кем бы то ни было. Надо отдать ему должное, дипломатом он был весьма неплохим.

– Были ли у кого-то личные мотивы пойти на такой шаг? Может быть, кто-то сильно пострадал от деятельности Зимина?

– Да конечно, были, были, – взорвался Иванов. – Были и люди, были и мотивы. Но чтобы отважиться на убийство – таких я не знаю. Хотя я допускаю, что многого о жизни Зимина не знаю, в том числе и личной.

– А как обстоит дело с экономическими мотивами? Может быть, старые долги, взятые обязательства, которые не были выполнены? Знаете, сейчас это модно – молодые бизнесмены, взяли кредит, а отдавать нечем – поставщик подвел...

Они как-то разом бросили на меня недоуменный взгляд:

– Если вы слушали нас внимательно, то должны были понять, что Евгений – не молодой бизнесмен, – с недоволь-

ством в голосе сказал Бойко. – А опытный талантливый делец. К тому же он уже два года не занимается конкретным бизнесом, все его дела ведут ближайшие сподвижники, в том числе ваши покорные слуги. Если уж были к кому-то претензии, то к нам.

Ничего отдаленно напоминающего то, что вы имеете в виду, в последнее время не происходит. Все фирмы имеют устойчивый положительный баланс, финансовое положение банка „Элвис“ вообще ни у кого не вызывает никаких сомнений.

– Мы устойчиво развиваемся на протяжении многих лет, – подтвердил Иванов.

– А на чем основано такое преуспевание в период экономического кризиса? – спросил я.

– На хорошей работе и высоком профессионализме, – безапелляционно ответил Иванов.

– А если по-конкретнее?

– Без комментариев, – резко обрубил Иванов.

Я перевел вопросительный взгляд на более говорливого Бойко, но тот демонстративно отвернулся к окну.

– Хотите добрый совет? – вдруг неожиданно спросил Бойко.

Я согласно кивнул.

– Попробуйте копнуть бытовуху, так, кажется, у вас это называется. Я не знаю ничего конкретного о личной жизни Зимины. Жил он как и все мы, достаточно много работая. Но

чем черт не шутит... Может, какой-нибудь ревнивый шизофреник-муж и грохнул его?

Я откинулся на спинку мягкого, обтянутого дорогой кожей сиденье и закулив сигарету, сказал:

– Ревнивый муж был бы слишком простым решением задачи для человека такого масштаба.

Глядя в окно на проезжающие мимо огни домов, я задумался о нашем разговоре. Снова никакой стоящей информации: общие фразы, экскурсии в историю, видимое благополучие в делах. Я почти был уверен в том, что в этих людях явно чувствовалось недоумение по поводу произошедшего, какая-то странная растерянность. Причем это не было растерянностью бойцов, лишившихся командира – они были не первый год в бизнесе и могли развиваться без Зимина, однако что-то их пугало и напрягало. Что – я не мог понять.

– Неплохо бы в этом разобраться, – уже вслух сказал я.

Они не обратили внимания на мои слова, так как сами глубоко задумались. Я попросил шофера остановить машину.

Попрощавшись со своими попутчиками, я быстро поймал такси и отправился обратно к „Славии“, где меня поджидала оставленная на стоянке автомашина.

Добравшись поздно вечером до дома, я в который раз за последние дни понимал, что Приятеля загрузить по большому счету мне нечем. Тем не менее, всю информационную скудность, имевшуюся в наличии, я в подробностях предста-

вил на его рассмотрение (от списка лиц, присутствовавших на похоронах до номера машины прелестной незнакомки) и, не собираясь просматривать его аналитические выкладки, лег спать.

На следующий день ровно в час дня (я предположил, что банкиры любят точность) я набрал номер, указанный в визитке Лагутина. Как и следовало ожидать, мелодичный женский голос сказал:

– Банк „Элвис“. Приемная председателя правления. Добрый день.

– Меня зовут Валерий Мареев. Мне нужен господин Лагутин.

– Одну минуточку, – замялась секретарша и, видимо, в продолжение этого включила мелодическую заставку в телефоне.

Я внутренне выругался, поскольку терпеть не мог электронный ремикс известной пьесы Бетховена „К Элизе“. Это, к счастью, продолжалось недолго, и голос секретарши пропел мне следующий текст:

– Уважаемый господин Мареев! К сожалению, Василия Андреевича сейчас нет в банке, но он оставил адрес, по которому вы можете его найти. Это спортивный комплекс завода техстекла. На вахте о вас сообщено.

– Спасибо, – поблагодарил я ее за пение и положил трубку.

Через двадцать минут я был на проходной. Охранник на

вахте, пристально разглядев меня и мое удостоверение, сверил мою фамилию со списком присутствующих и прогудел:

– Второй этаж, волейбольный зал.

На входе в зал меня снова остановили, на сей раз люди крепкого телосложения в штатском, видимо, личные охранники кого-то из игроков, вполне возможно, что Лагутина. Пройдя очередной тест-контроль, я наконец попал в спортзал.

Игра была в самом разгаре. Две команды пузанов сразились копя на волейбольной площадке в отчаянной борьбе за сброс парочки-другой килограммов своего веса. Единственным выделявшимся на этом фоне игроком был предмет моего интереса Василий Лагутин.

Он играл ярко и самозабвенно. Понаблюдав за его игрой минуты три-четыре, я подумал, что можно сказать, что играл он в чем-то ожесточенно. Он прекрасно действовал на приеме, бросаясь за самыми сложными мячами, умно и грамотно раздавал пасы, играя роль разводящего, но наиболее ярко он раскрывался в роли атакующего. Мощными кинжальными ударами он вбивал мяч в площадку соперников: мне показалось, что он не просто играет, а снимает мощнейшее нервное напряжение.

Это выражалось не только в игре, но и в агрессивных репликах, отпускаемых им партнерам по команде, которые не соответствовали классу его игры и смотрелись на порядок хуже.

В наблюдениях за игрой я провел еще минут двадцать-тридцать, пока наконец соперники лагутинской команды проиграли очередную партию с унижительным счетом 2:15. Пузаны повалились в изнеможении, вытерев площадку мокрыми от пота костюмами „Рибок“ и „Адидас“. Какая радость для уборщицы – после этого ей можно было особо не трудиться.

Лагутин же молча оглядел валяющиеся тела, взял сумку и пошел в раздевалку, по пути кивнув мне, чтобы я следовал за ним.

– Надо отдать вам должное, – начал я. – Вы как молодой олень среди стада быков. Вам что, доставляет удовольствие истязать несчастных толстяков?

– Надо же как-то разряжаться, – буркнул он.

– Видимо, их жены будут вам благодарны за поддержание своих мужей в хорошем тоне, – предположил я. И добавил: – Но думаю, что не сегодня. Они, похоже, уже никакие.

Мы вошли в широкую раздевалку, по стенам которой стояли шкафчики. Справа был вход в душевую.

– Вы ждали долго, пять минут ничего не решит. Подождите, я сполоснусь.

Не дожидаясь ответа, он исчез в душевой, из которой он действительно появился очень быстро, обмотанный по пояс в полотенце. Не шибко стесняясь меня, он снял полотенце и принялся одеваться. Я заметил, что у Лагутина хорошая спортивная фигура – дельтавидные мышцы спины заиграли

у него, когда он натягивал трусы.

Одевшись, банкир тут же устремился к выходу. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Спустившись на первый этаж, мы зашли в комнату, которая раньше была красным уголком. Там уже стояли горячий самовар и блюда со сдобью.

Усевшись на диван, Лагутин налил себе чаю и наконец спросил:

– Какие у вас вопросы? Мне несколько неловко, вы потеряли много времени, а я боюсь, что вряд ли подброшу вам что-нибудь интересное. Могу сказать вам искренне: для меня убийство Евгения совершенно непонятно. Это было как гром среди ясного дня. И все же если рассматривать какую-то версию как основную, то наиболее перспективной мне кажется убийство по личным мотивам.

– Могу я узнать, почему вы так считаете?

– Версию политического убийства я считаю маловероятной – не те масштабы, не тот уровень, не та политическая ситуация.

Область находится под твердым контролем одного политического лидера, серьезной оппозиции практически нет, а внутренние разборки не имеют такого накала, чтобы браться за пистолет.

Лагутин отхлебнул чаю и продолжил:

– Что касается бизнеса... Зимин отошел от непосредственного руководства финансовыми операциями, все си-

лы отдавая работе в министерстве. Никаких невыполненных обязательств перед бизнес-партнерами нет. В этом я могу вас заверить потому что сам курирую все эти процессы. У Зимина в бизнесе от меня секретов не было.

Следовательно, остается одно. Попробуйте покопать личную жизнь Евгения. Думаю, именно там может быть ключ к разгадке этого преступления.

Я неожиданно спросил Лагутина:

– А что вас заставило пойти на беседу со мной, если нам практически не о чем говорить?

– Вам, видимо, не сказали, но сейчас уже не вижу смысла скрывать, что заказчиком расследования является группа людей, входящих в Губернский Экономический Совет. Могу пойти дальше и раскрыть вам мотивы, побудившие нас пойти на частное расследование. Несмотря на то, что я вам сказал выше, данное убийство может быть следствием чего угодно.

Попросту говоря, мы ни хрена не понимаем, что происходит, – даже сквозь дымчатые очки я углядел ту страсть, которую выражали глаза Лагутина. – Для того чтобы разобраться в ситуации и работать с более сложными версиями и ходами, мы должны исключить самые простейшие версии, а именно убийство на бытовой почве или на каких-то личных мотивах. Для этого были наняты вы. Вот, собственно, и все, о чем я могу вам сказать.

Чем скорее вы это сделаете, тем быстрее вы снимете ту

неопределенность, которая воцарилась в делах и умах.

– К сожалению, мое время истекло, я должен ехать, – поставив чашку на стол, Лагутин решительно поднялся.

Поздно вечером я подводил итоги двухдневного расследования.

Они были скудны, и к помощи своего Приятеля я прибегать не стал. За два дня я переобщался с хреновой тучей всяких чинуш и бизнесменов, и каков результат? Главным было то, что они все твердили о своем непонимании причин происшедшего, ведущей версией они считают бытовую версию и сведение личных счетов. При этом лишь один Лагутин откровенно сказал, что ведущей эту версию они называют потому, что просто хотят убедиться, что ни политика ни экономика здесь ни при чем.

Смущало, однако, некое разночтение в подходах к расследованию Лагутина и Передреева: последний назвал мне в качестве наиболее вероятной экономической подоплеку преступления. „А может быть, действительно, бытовуха?

Какие-нибудь тайные связи..?

Наутро я все же решился побеспокоить Приятеля. Это дело все меньше и меньше начинало мне нравится, и мне требовался хороший советчик. Каково же мое удивление, когда на стандартное приветствие и пожелание послушать от него что-то путное, выразившиеся в извечно русском вопросе:

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Приятель не сильно задумываясь выдал мне два пожела-

ния:

1. ПОРА НАВЕСТИТЬ ПЕРЕДРЕЕВА НА НОВОМ МЕСТЕ (МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИКИ)

2. ЗАНЯТЬСЯ ЛИЧНОСТЬЮ ТАТЬЯНОЙ БУЛГАКОВОЙ (ИСКАТЬ ТАМ ЖЕ)

Слегка отойдя от недоумения, я спросил:

ОТКУДА ИНФОРМАЦИЯ ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ
1?

КТО ТАКАЯ ТАТЬЯНА БУЛГАКОВА?

на что получил банальный и не менее убийственный ответ:

1. ПРЕССУ НАДО ЧИТАТЬ... (УКАЗ ГУБЕРНАТОРА N 589 ОТ 7.09. „О КАДРОВЫХ НАЗНАЧЕНИЯХ“ – С 8.09 ПЕРЕДРЕЕВ П.В. НАЗНАЧЕН МИНИСТРОМ ЭКОНОМИКИ ТАРАСОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

2. ТАТЬЯНА ИВАНОВНА БУЛГАКОВА – ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ МИНИСТРА ЭКОНОМИКИ ЗИМИНА Е.К.

Если бы не моя врожденная интеллигентность, я бы при- свистнул от удивления. С назначеньцем вас, Павел Вик- торович... А кто такая Булгакова, разберемся по ходу... Я слегка воспрял духом, получив наконец конкретные указа- ния Приятеля, вышел из дома и завел свою „ноль-первую“.

Подъезд к зданию министерства экономики был весьма затруднен. Мне пришлось отъехать значительно дальше, что-

бы найти свободное место для парковки – вокруг самого здания разрешалась стоянка только служебных автомобилей. За время, которое я затратил на поход от машины до здания, я успел выкурить сигарету.

Министерство экономики располагалось в современном здании из стекла и металла высотой в пять этажей. В вестибюле, как положено, стоял постовой, которого слегка смутило мое безапелляционное требование пропустить меня к только что назначенному министру. Наконец я убедил его позвонить в приемную и назвать мою фамилию. Он смутился еще больше, когда узнал, что меня без особых проволочек пригласили туда пройти. Я поднялся на второй этаж и решительно открыл дверь с надписью „Приемная“.

Отделка данного помещения могла смутить, конечно, любого провинциала, но я насмотрелся этого евродизайна вволю и он меня поразить не мог. Поразило меня другое, а именно вид женщины, сидевшей за столом. Это была та самая незнакомка, которую я с усердием преследовал позавчера через весь город.

Как это принято у секретарш, она поднялась навстречу „дорогому гостю“ и красивой женским голосом с некоторой пикантной хрипотцой (скорее всего, следствие систематического курения) спросила меня:

– Я так понимаю, что вы Мареев?

– Да, а что, это заметно?

Дама понимающе улыбнулась и сказала:

– Одну секундочку, – она указала мне глазами на кресло и направилась в кабинет министра.

Я следил за ней неотрывно, пока она не скрылась за дверью.

Сегодня она была еще более обворожительной, чем на похоронах (впрочем, это неудивительно). Налет трагичности исчез с ее облика, что выразилось практически во всем. На ней было бордового цвета платье широкого покроя, которое при ее упругой и уверенной походке развевалось как паруса большой красивой яхты. Правда, для эстета формы ее были слегка обильны, но мне нравится богатство фигуры. Лицо разгладилось от мешков под глазами, которые показались мне синими-синими как первое окно „Лексикона“.

Выплыв из кабинета, она вновь обворожительно улыбнулась мне какой-то искренней улыбкой и широко раскрыла дверь.

Передреев также показался мне сегодня более свежим, чем в первую нашу встречу. Возможно, это определялось его костюмом: на сей раз это был светло-серый „Штальман“. Он также улыбнулся мне, хотя и не столь обворожительно, как его новая секретарша. По сравнению с улыбкой последней его гримаса показалась мне просто вызывающей. Но все же я оценил положительные подвижки в его психике и еще более энергично, чем в первый раз, пожал ему руку, сопроводив это словами:

– Мои поздравления.

Про себя же подумал: „Смотри не облажайся на новом месте...“ – Собственно, я ненадолго. У вас, я понимаю, по горло работы – надо принимать дела в неожиданно обезглавленном ведомстве.

Передреев вмиг стал прежним. Он слегка насупившись поблагодарил меня за поздравления, пригласил сесть за стол перед собой и вопросительно на меня воззрися.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.